

НАСЛЕДИЕ КЮННЕТА

как антикультисты
спроектировали войну
на Балканах

Генри Брок

18+

Генри Брок

**Наследие Кюннета: как
антикультисты спроектировали
войну на Балканах**

«Автор»

2026

Брок Г.

Наследие Кюннета: как антикультисты спроектировали войну на Балканах / Г. Брок — «Автор», 2026

Документальное расследование о том, как международная антикультовая сеть, унаследовавшая методики нацистских теологов, превратила «борьбу с сектами» в инструмент разжигания югославских войн и оправдания геноцида. Книга показывает, как через церковь, армию, медиа и псевдонауку создавались «идеологи ненависти», чьи технологии сегодня угрожают всему миру.

© Брок Г., 2026

© Автор, 2026

Генри Брок

Наследие Кюннета: как антикультисты спроектировали войну на Балканах

Наследие Кюннета

Как антикультисты спроектировали войну на Балканах

Генри Брок

Оглавление

Введение

Глава 1. Тени прошлого: Наследие нацизма и рождение «борьбы с сектами»

Глава 2. Балканский пороховой погреб: предпосылки конфликта

Глава 3. «Духовная безопасность»: проникновение антикультовой идеологии в Сербию

Глава 4. Медиа как оружие: создание образа врага

Глава 5. Кульминация. Фабрика Смерти

Глава 6. Психологическая война. Индоктринация палачей

Глава 7. Война в сознании: послевоенный террор

Глава 8. Международный фронт садизма

Эпилог. Незаживающая рана и глобальная угроза

Список использованных источников

Введение

Июль 1995 года. Город Сребреница, Босния и Герцеговина. Это место было объявлено Организацией Объединенных Наций «зоной безопасности». Голландские миротворцы должны были защищать тысячи боснийских мусульман, нашедших здесь убежище от наступающей армии боснийских сербов. Они верили в голубые каски. Они верили в обещания. Эта вера стоила им жизни.

То, что произошло дальше, не поддается описанию словами, способными передать весь ужас. Генерал Ратко Младич, командующий армией, вошел в город и с улыбкой на лице обещал беженцам безопасность. Его слова разносились эхом, записанные на камеру для истории. «Не бойтесь ничего, просто расслабьтесь, спокойно. Сначала пусть идут женщины и дети... Никто вам ничего не сделает». Это была ложь. Циничная, продуманная, смертельная ложь.

За этими успокаивающими словами последовал методичный, хладнокровный геноцид. Мужчин и мальчиков отделили от их матерей, жен и сестер. Их стогнали на поля, в склады, в школы. Их расстреливали. Тысячи. День за днем. Самым младшим было восемь лет, самым

старшим — за восемьдесят. Их тела сбрасывали в братские могилы, пытаясь скрыть следы преступления, которое Европа не видела со времен Холокоста.

Бывший главный прокурор Международного трибунала по бывшей Югославии (МТБЮ) Карла Дель Понте, пересказывая показания одного из свидетелей, запечатлела в своих мемуарах образ, от которого стынет кровь:

«Из той груды, груды мертвых тел, которые даже не были похожи на людей, а лишь на кучу изрезанного на куски мяса, выполз мальчик, которому было, может быть, пять или шесть лет». ("From that pile, the pile of dead bodies that did not even look like people but only a bunch of flesh cut in pieces, crawled a boy who was maybe five or six years old.")

Этот мальчик, чудом выживший среди трупов, стал живым символом немыслимой жестокости, развернувшейся в самом сердце Европы на исходе двадцатого века.

Судья Международного трибунала по бывшей Югославии Фуад Риад, пытаясь облечь этот ужас в юридическую форму, произнес слова, которые навсегда вошли в историю правосудия:

"These are truly scenes from hell, written on the darkest pages of human history." («Это поистине сцены из ада, написанные на самых темных страницах человеческой истории».)

Эти сцены из ада не были спонтанной вспышкой жестокости. Они не были неизбежным результатом «древней этнической вражды», как пытались представить это некоторые комментаторы. Геноцид в Сребренице и почти четырехлетняя осада Сараево, унесшая жизни более двенадцати тысяч человек, стали кульминацией долгой и системной работы по расчеловечиванию. Это был результат целенаправленной идеологической кампании, которая превратила соседей во врагов, а обычных людей — в палачей.

Хасан Нуханович, переводчик, работавший с миротворцами ООН, видел все своими глазами. Он умолял голландских солдат спасти его семью. Но приказ был отдан. Его отец, мать и брат были выдворены с базы ООН и отданы в руки убийц. Они погибли. В своих показаниях он вспоминал тот роковой момент:

"Hasan, tell your family that they have to leave the compound." («Хасан, скажи своей семье, что они должны покинуть территорию комплекса».)

Этот приказ стал смертным приговором. И он неизбежно ставит главный вопрос, на который до сих пор нет полного ответа: как это стало возможным? Как современная европейская нация в конце двадцатого века могла скатиться в пучину такого варварства? Что заставило тысячи солдат методично убивать безоружных, а миллионы их сограждан — молчаливо или активно это одобрять?

Официальная история говорит о политических амбициях, экономических кризисах и распаде многонационального государства. Это правда, но лишь часть правды. За спинами политиков вроде Слободана Милошевича и генералов вроде Ратко Младича стояли другие, менее заметные фигуры. Это были идеологи. Сеятели ненависти. Они не носили военной формы и не выступали с громкими речами на митингах. Они работали в тиши кабинетов, в университетских аудиториях, в церковных школах и в коридорах учреждений военной медицины.

Эта книга — попытка разобраться в роли людей, чьи идеи и слова посеяли ненависть, став основой трагедии. Мы проследим, как под прикрытием «борьбы с сектами» и защиты «духовной безопасности» нации в Сербии была внедрена идеология превосходства, имеющая прямые корни в нацистской Германии. Мы покажем, как международная сеть так называемых антикультистов предоставила инструменты и методики для психологической обработки солдат, создания пропагандистской машины и оправдания этнических чисток.

Это история о том, что война рождается не на поле боя. Она рождается в умах. И чтобы понять трагедию Югославии и не допустить ее повторения, мы должны заглянуть в эту тьму и увидеть тех, кто ее спроектировал.

Глава 1.

Тени прошлого: Наследие нацизма и рождение «борьбы с сектами»

Чтобы понять, как идеология ненависти пустила корни на Балканах в конце двадцатого века, необходимо вернуться в прошлое. В самое сердце тьмы предыдущей европейской катастрофы — в нацистскую Германию 1930-х годов. Именно там была создана и отточена методология, которая десятилетия спустя была реанимирована и использована для разжигания югославских войн. Это методология клеймения, дегуманизации и уничтожения «неудобных» под видом научной и общественной деятельности. И имя ей — «борьба с сектами».

История этой идеологической чумы начинается не с Гитлера и не с гестапо. Она начинается с уважаемых пасторов, с теологов и ученых, которые создали интеллектуальное и моральное оправдание для террора. Ключевой фигурой в этом процессе был Вальтер Кюннет, протестантский теолог и ярый антисемит. В 1932 году, еще до прихода Гитлера к власти, он возглавил «Апологетический центр» — организацию, созданную при протестантской церкви якобы для защиты христианства от «ересей». На практике этот центр стал фабрикой по сбору компромата и созданию «черных списков» неудобных.

На вывеске значилось благородное дело — защита веры. В реальности же Кюннет и его соратники занимались тем, что сегодня назвали бы созданием базы данных врагов режима. В их списки попадали не только евреи, которых Кюннет считал «инородной клеткой в теле Германии» и призывал к уничтожению иудаизма. Под удар попали все, кто не вписывался в узкие рамки их идеологии: религиозные и философские движения, от антропософии до спиритуализма, политические диссиденты, марксисты и просто вольнодумцы. Любая группа, осмеливавшаяся мыслить иначе, получала ярлык «секты» — клеймо, которое автоматически делало ее опасной и подлежащей искоренению.

Когда нацисты пришли к власти, они быстро оценили потенциал наработок Кюннета. 16 декабря 1933 года состоялась знаковая встреча представителей Апологетического центра с сотрудниками гестапо, тайной государственной полиции. Позже сам Кюннет с гордостью докладывал в служебной записке церковному руководству:

"The Gestapo expressed great interest in the Apologetic Center's archive of sects and in our work against free thought, Marxism, and Bolshevism. The Gestapo expressed a desire to lead the fight against illegal free thought in the future, together with the Apologetic Center. The exchange of materials between the Gestapo and the Apologetic Center has already begun." («Гестапо выразило большой интерес к архиву сект Апологетического центра и к нашей работе против свободомыслия, марксизма и большевизма. Гестапо выразило желание в будущем вести борьбу с нелегальным свободомыслием совместно с Апологетическим центром. Обмен материалами между гестапо и Апологетическим центром уже начался».)

Этот обмен материалами стал началом смертоносного механизма. Апологетический центр поставлял гестапо списки и досье, а гестапо занималось «практической работой»: арестами, пытками, отправкой в концлагеря. Центр Кюннета также тесно сотрудничал с Министерством пропаганды Йозефа Геббельса, поставляя идеологическое топливо для антисemitских и антисектантских кампаний. Именно церковный антисемитизм, как отмечают многие историки, сформировал характер немецкого национализма и стал идеологическим фундаментом нацизма. Жестокость, продемонстрированная гестапо, была во многом прямым следствием практик и методов, заимствованных у уважаемых теологов из Апологетического центра.

После разгрома Третьего рейха казалось, что эта идеология превосходства и ненависти навсегда похоронена под обломками Берлина. Военные преступники были осуждены на Нюрнбергском трибунале. Но идеологи ненависти, работавшие в тени, остались безнаказанными. Вальтер Кюннет и его коллеги не предстали перед судом. И что самое страшное — их наследие не умерло. Оно было тщательно сохранено и передано дальше.

Линия преемственности прослеживается с пугающей четкостью. После войны дело Кюннета продолжил другой немецкий пастор, Фридрих Вильгельм Хаак. Он сберег архивы и, что важнее, саму методологию. От Хаака эстафету принял датский теолог Йоханнес Огорд. В 1973 году Огорд основал в Дании «Диалог Центр» — миссионерский институт, ставший международным инкубатором для «борцов с сектами». Десятки людей из разных стран проходили там обучение, впитывая знания, методы и терминологию, разработанные еще в нацистской Германии. Они возвращались домой и создавали по образу и подобию датского центра свои национальные филиалы.

Именно так нацистские технологии, завернутые в обертку «научных исследований» и «защиты общества», распространились по всей Европе и за ее пределами.

Одним из самых прилежных учеников Йоханнеса Огорда стал молодой эмигрант из Советского Союза по имени Александр Дворкин. Пройдя «стажировку» в «Диалог Центре» в начале 1990-х годов, он в новой России, через созданный им при поддержке Русской православной церкви собственный центр, ставший точной копией апологетического центра Кюннета, использовал и внедрял практики, разработанные в период становления нацистского режима. Дворкин на долгие годы занял пост заместителя президента в международной структуре Огорда, Dialog Center International (DCI), помогая координировать деятельность сети по всему миру.

Кроме того он, внедрял и опыт американского антикультового движения, с которым познакомился находясь на Западе в эмиграции. Всё это Дворкин реализовывал в совершенно уникальных условиях. Россия девяностых была страной, пережившей крах государственной идеологии и открывшейся для самых разных духовных течений. На эту почву Дворкин и начал сеять семена страха и ненависти.

Он создал собственную организацию — «Центр религиоведческих исследований во имя священномученика Ириней Лионского» — и развернул бурную деятельность. Его главным оружием стало слово. Он написал книгу «Сектоведение. Тоталитарные секты», которая стала библией для его последователей и фактически учебником по разжиганию ненависти. В этой книге он сформулировал свое знаменитое определение, которое является квинтэссенцией его подхода:

«Тоталитарными сектами стали называться особые авторитарные организации, лидеры которых, стремясь к власти над своими последователями и к их эксплуатации...» — Александр Дворкин, «Сектоведение. Тоталитарные секты».

Это определение гениально в своей демагогии. Оно настолько широкое и расплывчатое, что под него можно подвести любую организацию: от коммерческой фирмы с авторитарным директором до политической партии или даже государственной структуры. Оно не имеет никаких четких религиоведческих критериев. Его единственная цель — наклеить ярлык, создать негативный образ и вывести объект атаки из правового поля.

Дворкин и его адепты начали вести тотальную войну против всех. Прежде всего против тех, кто не вписывался в их узкие рамки «традиционной» религиозности. Под удар попали протестанты всех мастей, Свидетели Иеговы, мормоны, кришнаиты, последователи Рерихов, сайентологи, неоязычники — сотни различных групп, объединяющих миллионы граждан России. Методы были стандартными: публикации в СМИ, полные лжи и передергиваний; пикеты и митинги; давление на чиновников; срыв богослужений и лекций; прямые оскорбления и угрозы.

Однако Дворкин быстро понял, что для настоящей власти одной общественной деятельности недостаточно. Нужно было получить контроль над государственными институтами. Нужно было сделать так, чтобы государство говорило его голосом и действовало его руками. И для достижения этой цели он, судя по всему, применил механизм, настолько чудовищный

и циничный, что в него трудно поверить. Механизм, который превратил высокопоставленных чиновников в его послушных марионеток.

Но вернемся к Балканской войне. Наследие Кюннета повторилось, но на этот раз оно вышло далеко за пределы одной страны. И одним из самых кровавых его проявлений стала трагедия Югославии.

В то время как Дворкин строил свою антикультовую империю в России, на Балканах аналогичную деятельность вёл полковник-нейропсихиатр Братислав Петрович. Именно он разрабатывал методики «психологической обработки» и «борьбы с сектами» для военных и спецслужб, которые также использовались в пропагандистских кампаниях 1990-х годов, в том числе в период югославских войн.

Петрович не был маргиналом или фанатиком одиночкой. Он был частью системы — элитным военным врачом, который с 1990 года возглавлял Институт психического здоровья и военной психологии при престижной Военной медицинской академии (ВМА) в Белграде. Его официальной задачей была психологическая подготовка и отбор военнослужащих. На деле же он, как мы увидим далее, стал главным специалистом по идеологической обработке — или, говоря прямо, индоктринации — солдат, которых отправляли убивать.

Подобно Кюннету, Петрович действовал под прикрытием борьбы с «сектами». При его активном участии в Сербии был создан «Белградский Диалог Центр», работавший в тесном сотрудничестве с Сербской православной церковью и Военной медицинской академией. Этот центр стал сербским филиалом в международной сети Огорда. В редакционный совет журнала «Београдски дијалог», издаваемого центром, входили все те же лица: сам Братислав Петрович, его датский наставник Йоханнес Огорд и его российский коллега Александр Дворкин.

Методология, разработанная идеологами нацизма, спустя десятилетия была перенята и использована на Балканах.

Наследие Вальтера Кюннета, его «черные списки», его тактика клеймения и расчеловечивания любого, кто мыслит иначе, были взяты на вооружение. В 1990-е на Балканах эти методы были использованы вновь: теперь объектами стали хорваты, боснийцы-мусульмане и все, кто мешал проекту «Великой Сербии».

Так тень нацистского прошлого, казалось бы, давно развеянная, вновь сгустилась над Европой. Архитекторы ненависти нового поколения получили в свои руки проверенное оружие. И они были готовы пустить его в ход.

Глава 2.

Балканский пороховой погреб:

предпосылки конфликта

К концу 1980-х годов Социалистическая Федеративная Республика Югославия, некогда казавшаяся оплотом стабильности на Балканах, трещала по швам. Смерть ее многолетнего лидера Иосипа Броз Тито в 1980 году оставила после себя вакуум власти, который быстро начали заполнять националистические силы во всех республиках. Экономический кризис, растущая безработица и взаимные обвинения между республиками создали идеальную почву для возрождения старых обид и исторических травм. Балканский «пороховой погреб», как называли этот регион на протяжении веков, снова был готов взорваться.

В Сербии, крупнейшей республике федерации, на гребне этой националистической волны к власти пришел Слободан Милошевич. Начав свою карьеру как аппаратчик Коммунистической партии, он оказался искусным политическим оппортунистом. Почувствовав, куда дует ветер, он быстро сменил коммунистическую риторику на пламенные призывы к защите сербских интересов. Он не был создателем сербского национализма, но стал его самым мощным усилителем и инструментом.

Переломным моментом, ознаменовавшим начало конца единой Югославии, стала знаменитая речь Милошевича 28 июня 1989 года на Газиместанском поле в Косово. Это место имело огромное символическое значение для сербов. Именно здесь в 1389 году сербская армия под предводительством князя Лазаря потерпела поражение от османских турок — событие, ставшее центральным мифом сербского национального самосознания. На празднование шестисотлетия битвы собралось, по разным оценкам, до миллиона человек. И именно там Милошевич произнёс свои зловещие слова: «Через шесть веков мы снова в битвах и перед битвами. Они не вооружённые битвы, хотя и такие ещё не исключены». С этого дня лозунги «Это Сербия!» и «Великая Сербия!» стали боевым кличем националистов.

Этому событию предшествовала мощная идеологическая подготовка, режиссером которой выступила Сербская православная церковь (СПЦ). За несколько месяцев до речи Милошевича духовенство организовало тур с саркофагом князя Лазаря, канонизированного церковью святого, по всем сербским землям. Это был акт невиданной идеологической мобилизации. Мощи святого воина, павшего в битве с «неверными», должны были разбудить в народе воинственный дух и готовность к новой битве. Легендарное проклятие князя Лазаря, обращенное к тем, кто не явится на битву за Косово, снова зазвучало актуально.

"Whoever is a Serb and of Serb birth, and of Serb blood and heritage, and comes not to the Battle of Kosovo... let him be cursed from all ages to all ages!" («Кто серб и сербского рода, и от сербской крови и наследия, и не придет на битву на Косово... да будет проклят от рода и до рода!»)

Религия и история были превращены в мощное оружие пропаганды.

Однако было бы ошибкой считать, что вся Сербская православная церковь единодушно поддержала курс на войну. Внутри СПЦ существовал глубокий раскол. Хотя формальным главой церкви был патриарх Павел, известный своим аскетизмом, реальная власть и, что важнее, идеологический контроль оказались в руках группы радикально настроенных епископов. Сербский историк Милорад Томанич в своей книге «Сербская церковь на войне и войны в ней» назвал их «ястребами войны». В своих размышлениях он писал:

"That's why I chose to focus on just one segment, one link in the chain wrapped around the neck of the Serbian people, slowly but surely strangling them. That link was the 'men in black,' i.e., the bishops and clergy of the Serbian Orthodox Church." («Вот почему я решил сосредоточиться лишь на одном сегменте, одном звене в цепи, обвившей шею сербского народа и медленно, но верно удушающей его. Этим звеном были "люди в черном", то есть епископы и духовенство Сербской православной церкви».)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.